

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Мир крутых
мужчин*

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Страховка от жизни

«Научная книга»

Серова М. С.

Страховка от жизни / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Страховка от жизни

Глава 1

Начало октября. Так хотелось, чтобы подольше продержалась ясная, солнечная погода. Вроде бы ничего не предвещало перемен, а вот поди ж ты, откуда ни возьмись, набежали черные тучи. И прорвало. Такой мерзкий, противный дождь, будь он неладен. Терпеть не могу слякоть.

Я зябко поежилась и отошла от окна. Настроение было отвратительным. Я все никак не могла понять, почему на меня напала такая хандра.

– Это все из-за дождя, – успокоила я сама себя и взяла в руки мешочек со своими магическими помощниками.

Пусть кто как хочет относится к гаданию вообще и к гадальным костям в частности. Но для меня волшебные косточки – лучшие помощники и самые надежные друзья. Уж они-то никогда меня не подводили. И я им очень верю. Даже клиенты мои к этому привыкли и вряд ли могут представить себе частного детектива Татьяну Александровну Иванову без магических двенадцатигранников. Так же, как, к примеру, клиенты Шерлока Холмса в свое время не могли представить знаменитого сыщика без его не менее знаменитой трубки. Или без скрипки.

– Ладно, Танечка, не хандри, голубушка. Все в твоих руках. Чем темнее ночь, тем ближе рассвет. Правда, дружочки мои? – произнесла я ласково, вытряхивая косточки из изрядно потертого замшевого мешочка.

Они знают все на свете. Надо только четко сформулировать вопрос и бросить двенадцатигранники. Выпадет некая комбинация чисел. А толкования, которые я, ввиду того что гадаю довольно часто, знаю чуть ли не все наизусть, дадут четкий и правильный ответ на любой вопрос, будь он хоть архисложным. А уж на столь простой, как «темнее ли ночь перед рассветом», им ответить раз плюнуть.

9+21+25 – «Умейте создавать себе дополнительные дивиденды, т. е. знайте, с кем и куда пойти, с кем себе позволить выпить, а с кем нет».

Ну конечно! Я давным-давно должна была вспомнить, куда пойти и с кем выпить! Какая же я все-таки свинья. Вот почему столь тягостное ощущение с утра. У моей подруги, Елены Михайловны Истоминой, сегодня профессиональный праздник – День учителя. А я, как дура, сижу дома и гадаю, отчего так мерзко на душе. Она меня небось с утра в гости ждет, свою любимую «Монастырку» уже приготовила. А я не то что розы не купила, даже позвонить ей не удосужилась. И это называется детектив с феноменальной памятью. Стареешь, мать. А Ленка-француженка – дама избалованная и не любит, когда к ее персоне столь безразличны.

Телефонный аппарат словно подслушал мои самобичевания и разразился оглушительной трелью. Я даже подскочила: обычно я убавляю регулятор громкости до предела, но вчера, ложась спать, наоборот, прибавила звук. Тому виной мое безденежье на данном этапе и боязнь проспять солидного клиента с большим мешком денег.

Ленка наверняка потеряла надежду на мои поздравления и звонит, чтобы упрекнуть за чудовищную невнимательность. Готовясь услышать ее разгневанный голос, я осторожно, как ядовитую змею, взяла трубку и робко, полувопросительно произнесла:

– Але?

Ну так и есть. Истомина. Сейчас мне будет на орехи. Надо срочно исправлять свои ошибки, и совсем неважно, если придется для этого наглým образом солгать. Все равно она не видит моего лица и не знает, как оно пылает.

– Привет, гениальный детектив. Это я.

– Ой, Лена, солнце мое, привет. А я тут к тебе собираюсь. Розы потрясающие купила. Поздравляю, дорогая.

Подруга хихикнула:

– Надо же, не забыла. А я уж монолог для взбучки приготовила. Сочный такой, колоритный. Искрометный, можно сказать. Тебе должен понравиться. Произнести?

– Говори, я слушаю.

– Да ладно. Поберегу для более вопиющего случая. А сейчас мухой ко мне. «Монастырка» давно замерзла в холодильнике – и это во-первых.

– А во-вторых?

– А во-вторых, то, что по телефону обсуждать не стоит. Жду, – безапелляционно заявила она и положила трубку.

Вот всегда она такая вредная: заинтригует и недоскажет. Мучайся потом, пытаясь догадаться, что имелось в виду. Ведь специально так делает, чтобы я не медлила. Естественно, теперь я и секунды лишней на сборы не потрачу, и Ленка прекрасно об этом знает.

Я погладила драповые брюки, влезла в них, натянула серый вязаный свитер, быстро нанесла макияж и, схватив ключи от машины, выскочила из дома как угорелая. Мало того что я наплела про розы, которых в магазине может не оказаться, так у меня еще и денег на них не было – при осмотре кошелька обнаружилась печальная картина – он был почти девственно пуст. Посему просто необходимо заскочить в банк и снять со счета пару-тройку тысяч, больше пока вряд ли потребуется. А там, может, клиент нарисуеться или какой-нибудь дядюшка канадский решит осчастливить меня наследством. Словом, как карта ляжет. Не надо загадывать далее чем на три дня. Все течет, все меняется. А деньги, как известно, – навоз, сегодня нет, так завтра воз.

* * *

В магазинчике напротив роз действительно не оказалось, и пришлось мчаться на Центральный рынок да еще очередь отстоять.

Несмотря на все подобные преграды на моем пути, я позвонила в Ленкину дверь около одиннадцати. И считаю, что подруга должна быть довольна моей расторопностью, поскольку она меня хорошо знает и давно научилась прощать мои маленькие слабости.

Когда подруга открыла мне дверь, я изумилась: передо мной стояла незнакомая мне личность – платиновая блондинка со стрижкой «каре». Вообще-то понятно, что это была Ленка, но платиновые волосы и соответствующий макияж делали ее совершенно непохожей на себя. Я даже в первый момент про то, зачем приехала, забыла. Но быстро сориентировалась и поздравила подругу по всем правилам. Даже в щеку ее чмокнула, зная, что Ленку телячьи нежности всегда умиляют.

– Ой, какие розы! Спасибо тебе, Танечка. Сейчас я их в вазу поставлю. А ты проходи скорей. Я, между прочим, пирог испекла. Правда, не могу гарантировать чрезвычайно высокое качество, еще не пробовала. Но на вид ничего. Даже не очень подгорел.

Ленка никогда не отличалась кулинарными способностями и с удовольствием признавала этот факт: спросу меньше, и отговорка для прилипчивых женихов хорошая. Когда же ей вусмерть надоедали бутерброды, она шла к родителям в гости, где ей были безумно рады. В такие дни Антонина Васильевна, Ленкина мама, часами торчала на кухне, стараясь накормить любимое чадо вкусеньким.

Повесив мокрую куртку на вешалку, я прошла на кухню. У нас с Ленкой место встречи изменить нельзя. Как ни крути, но все тропы всегда ведут туда – в маленькую, уютненькую

кухню. И так всегда бывает, хоть в моей квартире, хоть в ее. Сегодняшний день не стал исключением.

Я удобно устроилась на стул около окна. Крутившаяся под ногами пятицветная кошка Маруська, Ленкина любимица, тут же прыгнула мне на колени.

Ленка достала фужеры, «Монастырку» из холодильника, тарелочки под пирог, накрыла стол. Как ни странно, она молчала. Видимо, не знала, как преподнести свое «во-вторых», о котором упомянула по телефону. Я тоже молчала, поглаживая шелковистую шерстку Маруськи.

– А ты чего это вдруг свой имидж сменила? Волосы перекрасила.

– Да я не перекрасила, – сдержанно улыбнулась Истомина. – Это я у подружки парик позаимствовала. На время. Чтобы принять решение, стоит ли обесцвечивать волосы. Просто на душе паршиво. Перемен хоть каких-нибудь хочется. Вот и подумала: как Иванова скажет, так и поступлю.

– Иванова тебе в таких вопросах не советчица. Ты ведь тоже, как и я, особа упрямая. Тебе посоветуешь, а ты с точностью до наоборот сделаешь. Но, вообще-то, я тебе скажу, это такая морока – каждую неделю корни подкрашивать и макияж соответствующий делать. Думай сама, хватит ли твоих душевных сил? Легче, по-моему, просто подружкин парик поносить, пока не надоест.

– Сил, пожалуй, действительно не хватит. Да еще с моими оболтусами. Эти вампирчики всю энергию по молекулам, или как там – по липтонам, растаскивают.

Ленка имела в виду своих дорогих учеников. Она же учитель французского языка.

– Умница, Таня. Убедила, едва переступив порог. Видишь, как ты вовремя меня образумила. Я тебе благодарна, – несколько чопорно заявила Ленка. – Но парики сейчас не в моде. Так что, сударыня Таня, тебе придется подождать, пока я верну свой первоначальный вид, – с этими словами Ленка стянула с головы парик и отправилась умываться.

«Странная она сегодня какая-то», – подумала я.

Наконец стол был готов к нехитрой трапезе, и мы подняли фужеры.

– За тебя и за твой праздник, – произнесла я короткий тост.

– Угу. Спасибо. Ты ешь пирог. Я так старалась. – Ленка откусила кусочек. – А вроде и ничего получилось. Верно?

Я кивнула:

– Вкусно. Ну, рассказывай, что у тебя новенького.

Обычно я Ленке таких поблажек не даю и ставлю вопрос более конкретно. Чтобы, рассказывая про «новенькое», она не умудрилась сесть на любимого конька и начать разговор про школу. Болтливая от природы подруга может часами говорить про уроки, про своих нерадивых учеников. Однако сегодня меня Ленка поразила:

– Что может быть новенького в моем болоте? Так, хрень одна.

Ого! Вот это действительно новенькое: Ленка сленг почти не употребляет. Это я могу себе позволить вернуть грубое словечко, если меня достанут. А Ленка девушка манерная. Что-то грызет ее сегодня, совершенно очевидно. А подруга тем временем задумчиво наполнила опустевшие фужеры и каким-то несвойственным ей голосом произнесла:

– Давай, Тань, за тебя теперь, за твой талант, за твою доброту.

Та-ак. Интересное начало разговора про то самое «во-вторых». Словно гуманитарную помощь просить собирается. Я не сомневалась, что произнесенный Еленой тост напрямую имеет отношение к тому, о чем она никак не решается сказать.

– Ну, давай, – я ободряюще улыбнулась и отхлебнула из своего фужера. – Лен, мы с тобой столько лет дружим. Я всегда наперед знаю, что ты скажешь дальше. А сегодня ты сама загадка. Выкладывай свое «во-вторых». Хотя... в общих чертах я уже догадалась. Надо кому-то помочь. И у этого кого-то нет денег, чтобы мне заплатить. И тебе неловко меня просить. Я угадала?

Ленка рассмеялась:

– Не зря я тост за твой удивительный талант произнесла. Ты Шерлока Холмса можешь за пояс заткнуть. Почти угадала. Но как?

– Лена, солнце мое, это не так уж и трудно. Ты ведь меня тоже хорошо изучила за годы нашей дружбы. И знаешь, как я меркантильна. Но еще ты совершенно точно знаешь, что тебе я отказывать не умею. И посему испытываешь некоторую неловкость. Смелей. Чем смогу, тем помогу.

Ленка снова повеселела. Словно груз с ее души упал. А мне сделалось немножко тоскливо. Сама себе проблемы ищу.

– Тань, короче, я не знаю даже, с чего начать.

– Да хоть с конца. Какая разница.

Я уже управилась со вторым куском пирога. Выпитое вино приятно грело изнутри. Легко на душе и беззаботно. Пока. Через несколько минут передо мной, вероятно, встанут проблемы, которые придется решать. И зачем я заранее пообещала помощь, даже не зная, о чем пойдет речь?

Я опустила мирно дремавшую Маруську на пол, сходила в прихожку, где оставила свою миниатюрную сумочку, и вернулась с сигаретами. Закурила.

– Не тяни кота за хвост, подруга.

– Хорошо. Ты читала в «Местном обозрении» про женщину, Настей ее звали, которую с месяц назад из окна выбросили? Соседка Настина, Наталья Василькова, – моя приятельница, и в тот день я была у нее. Мы на балконе сидели и слышали, как Настя ссорилась с кем-то и называла по имени – Эммой. Все окна в квартире были распахнуты, и все было слышно, а Настя как раз еще и окно в спальне мыла. Помнишь? Я тебе все это рассказывала. И про то, что сынишка Настин в моем классе учится. Помнишь?

Вкратце история выглядит так. Три года назад Настя Калякина гостила у тетки в Аткарске. Однажды она вышла вынести мусор и увидела, как из соседской квартиры выскочила и бросилась бежать белокурая женщина. Позже выяснилось, что в той квартире произошло убийство. То есть Настя лицом к лицу столкнулась с убийцей. Ее вызывали в милицию, допрашивали. С ее помощью был составлен фоторобот женщины. Но убийцу, как это часто бывает, так и не нашли.

И вдруг Настя встретила ее в Тарасове. Более того – узнала, где та живет и как ее зовут. Тогда Настя пошла в милицию и заявила, что Эмма Замотырина – убийца и что ее необходимо арестовать. Только в милиции не шибко ей сначала поверили и положили ее заявление в дальний ящик. После гибели Насти кто-то из ее подруг или знакомых вспомнил эту историю и высказал милиции свои соображения. Одним словом, Эмма стала подозреваемой номер один. Во всяком случае, как я поняла, милиция эту версию отработала.

Рассказывая историю, Ленка постоянно пересыпала свои слова уже надоевшим «помнишь?».

– Да что ты заладила «помнишь-помнишь»? Я пока на память не жалуюсь, – раздраженно упрекнула я подругу. Мне почему-то заранее не нравилось то, что она скажет дальше.

– Не злись, Тань. Должна же я с чего-то начать. Но раз ты сегодня такая вредная, то буду краткой. Во-первых, убийцу так и не нашли. Эмма исчезла. А во-вторых, открылись новые обстоятельства. Настя, оказывается, была застрахована на очень крупную сумму. Понимаешь? – И тут подружка моя с придыханием назвала цифру. И у меня глаза на лоб полезли.

Ленка поднялась, исчезла на минуту в комнате и вернулась со страховым полисом.

– Вот, Тань, посмотри. Я вчера забрала страховку у Романа Николаевича. Специально, чтобы тебе показать. Может быть, полис фальшивый какой-нибудь?

Я внимательно изучила документ и ничего подозрительного не обнаружила.

– А подпись похожа на Настину?

– Разумеется. Я ее знаю, она ж у Дениски каждую неделю в дневнике расписывалась.

Конечно, подумалось мне, подпись можно подделать. Особенно если, к примеру, привлечь к этому делу художника. Невероятно интересно. Убийца не найден. Калякина оказалась застрахованной на крупную сумму.

– Она сама решила застраховаться или ее муж уговорил?

– Роман Николаевич вообще ни при чем. Я очень хорошо знаю эту семью. Я с ними в прошлом году Восьмое марта отмечала.

М-да, очень подходящий случай лучше узнать семью своего ученика... Вот в этом вся Ленка, промелькнула у меня мысль, не слишком лестная для подружки. А она, не заметив моей усмешки, продолжала:

– Мы на природу вместе ходили. Ты же знаешь, что я всегда стараюсь сдружить семьи детей, которые учатся в моем классе. Это оказывает чрезвычайно положительное влияние на ребят. Поэтому о муже-злодее ты даже думать забудь. Он сам на грани помешательства был, когда про страховку узнал. Представь, целый миллион, это ж такая уйма! А узнал-то совершенно случайно.

В общем, как следовало из Ленкиных слов, история произошла такая. У Дениски Калякина пропал дневник. Начали его искать, и тут мальчик вспомнил, что клал его на пианино, на стопку книг. А стопка, которая была сложена неровно, развалилась. Вот все и решили, что злополучный дневник упал именно за пианино. Отодвинули. Нашелся дневник. А под ним бумажка. Полис то есть. И теперь вот уже третий день Роман Николаевич не знает, что с этой бумажкой делать. Он сразу и расстроился, и напугался одновременно. Застраховаться на такую сумму и потом погибнуть... Эта странная история наводит на определенные мысли. Ведь попробуй он сейчас получить деньги, сам станет подозреваемым. Это во-первых, а во-вторых, у него сразу мысли всякие дурацкие, предположения возникли. Не подвох ли тут какой, не инсценировка ли это? Может, Настя просто свела счеты с жизнью? Словом, скис мужик.

– Хорошо, – заключила рассказ моя подружка, – что Денис мне доверяет и рассказал про все, хотя сам толком и не понял, что это за бумажка такая, увидев которую его папа плакал и пил несколько дней подряд.

Ленка помолчала минуту, будто вспоминая дословно разговор с мальчишкой, и снова заговорила:

– Он подошел ко мне с вопросом: «Можно, – говорит, – с вами, Елена Михайловна, насчет папки посоветоваться?» Ну я ему и ответила: «Конечно, Денис, все ребята могут посоветоваться со своим классным руководителем». И по голове его погладила. Они же, шестиклашки мои, маленькие еще совсем, глупенькие. А вообще та-ак жалко мальчонку, сил нет, Тань. – При этих словах Ленка приложила руку к груди и сделала большие глаза. – Я тебе даже передать не могу, как жаль. А сестренка у него еще меньше, в третьем классе учится.

Подружка моя дорогая, училка жалостливая, опять замолчала. Мне даже показалось, что она сейчас заплачет. Но Ленка успокоилась и продолжила:

– Одним словом, прихожу я к ним вчера домой – Роман Николаевич выпивши опять. Я его пожурила. Сама понимаешь: кто-то же должен за детей постоять. И раскрутила его. Ты знаешь, у меня такие вещи неплохо получаются. Он мне все выложил и совета попросил. Сказал, что не может пойти и получить деньги, которые, по его твердому убеждению, на крови замешены. Я посоветовала ему молчать пока про открытие в целях его же безопасности, пока слухи о подозрительной страховке до милиции не дошли. А сама решила позвонить тебе. Поможешь разобраться? Надо найти убийцу. Только тогда Роман сможет обратиться в страховую компанию по поводу получения страховки. А деньги очень бы помогли ему и детям. Удивительный он человек, Калякин... Другой на его месте, наверное, порадовался бы такой удаче. В смысле денег. Если ты, Тань, возьмешься за это дело и распутаешь его, если будет известно, кто застра-

ховал и кто убил, он себя по-другому поведет, он тогда согласится воспользоваться своим правом.

Вот тут я не выдержала и спросила-таки подругу:

– А что это ты так ради него стараешься? Странно даже.

– Что ж тут странного? Ты же знаешь, я вообще по натуре альтруистка. А для несчастных детей я вообще на все готова.

– Лен... – Я немного помолчала, собираясь с мыслями. Не хотелось оскорблять лучшие чувства своей подруги, но не высказать свои черные мысли насчет непогрешимого мужа погибшей я тоже не имела права. – А знаешь ли ты его так хорошо, как тебе кажется? Ты и представить себе не можешь, на что способны люди. Вдруг Калякин нашел себе другую женщину, и они, ну, может быть, она... Короче, может, муж все-таки как-то причастен к убийству? Может, просто ловко придумал, как использовать ту давнюю историю?

– Да ты что?! Ты Романа не знаешь! – Лицо Елены покраснело от гнева. – Поехали к нему прямо сейчас, а? Ты же хорошо в людях разбираешься. Вот поехали-поехали! А кстати – в момент смерти Насти Романа не было в городе, он в санатории отдыхал. Не знаю, как он, бедняга, доехал до дома, когда получил страшное известие о смерти жены.

Я промолчала. Не стала говорить о том, что иногда люди именно так и поступают, обещивая себе алиби: подбирают ловких сообщников, а сами уезжают или идут в людное место, чтобы было кому потом подтвердить их невиновность. Нельзя сейчас этого вслух произносить. Ленка на меня с кулаками бросится. Поэтому попыталась успокоить подругу:

– Не кипятись. Что от меня-то требуется? Доказать, что он невиновен? Так ты сама сказала, что следствием преступник, в принципе, уже установлен. Осталось Роману Николаевичу только решиться пойти в страховую компанию и получить свои законные деньги. И нечего финтов ушами изображать.

– Не ерничай, – раздраженно одернула меня Ленка. – Дело даже не в этом, Таня. Дело совсем в другом. Предположим, что Настя действительно боялась в последнее время за свою жизнь. Ну, после того, как узнала убийцу. Поэтому и застраховалась. Но почему она застраховалась именно в «АКСС»? Ни она, ни Роман не стали бы связываться с этой компанией ни при каких обстоятельствах. Понимаешь? У них на эту компанию аллергия, образно говоря.

– Чем же эта компания так плоха?

– Она, может быть, и не плоха. Но так вышло, что они от нее в какой-то степени пострадали.

Я прикурила новую сигарету и пытливо посмотрела в глаза подруги.

– Не смотри на меня так, – возмутилась она.

– Как? – искренне удивилась я.

– Как на умалишенную. Да, пострадали. Свою машину они застраховали два года назад именно в этой компании. Я как раз Денискин класс под свое чуткое руководство получила. И тут у Калякиных машина сгорела. Несчастный случай. Разумеется, про пожар я узнала, а потом и про все остальное тоже. Но не в этом суть. Суть в другом: страховой агент составил такой акт, что денег они за нее мизер получили. Обгорелый остов, уцелевшие покореженные диски и другие оплавленные закопченные железяки – металлолом, словом, – были признаны пригодными к эксплуатации. Калякины полгода потом плевались. Как ты считаешь, пошла бы Настя после этого страховать свою жизнь в «АКСС»? Да наверняка бы прибегла к услугам любой другой компании! Ты только представь: тебя крепко надули в какой-то фирме. Так разве захочешь ты еще раз иметь с ней дело, если вокруг полно других, не запятнавших себя в твоих глазах?

Резонно. Молодец подружка. С кем поведешься, как говорится. А Ленка повелась со мной. Отбросим ложную скромность и скажем откровенно: она от меня многому научилась.

Выходит, мне предстоит спасти Романа?

В связи с вновь открывшимися обстоятельствами может возобновиться следствие, и под подозрение он попадет первый – как организатор преступления из корыстных побуждений. Это уж как пить дать. А компания, которая однажды уже поступила с Калякиными нечестно, снова захочет вывернуться да найдет ухаря-детектива...

Ленка словно мои мысли подслушала:

– А потом, ты же знаешь, страховая компания сделает все, чтобы не платить. Наймет какого-нибудь нечестного детектива, который сумеет за определенную сумму подтасовать факты. И Роман пострадает, окажется обвиненным в смерти собственной жены, которую обожал. Ах да, еще один важный момент: Роман в полном недоумении – где Настя смогла добыть столько денег для заключения договора. Целых двадцать тысяч рублей! Это баснословная сумма для семьи Калякиных.

– Действительно. К тому же, если сумма для их семьи баснословная, то зачем, спрашивается, тратить деньги так бездарно, обращаясь в сомнительную фирму?

– Вот именно, – обрадовалась подруга. – Наконец-то я тебя заинтересовала.

Но я немного остудила ее пыл:

– Скажи честно: ты агитируешь меня по просьбе Романа?

– Нет, – смутилась Ленка. – Я ж тебе сказала, что его старшенький в моем классе учится. А вообще-то, я, конечно, сказала, что у меня подруга – гениальный детектив. И что она, то есть ты, способна докопаться до истины.

Я хмыкнула.

– Нельзя допустить, чтобы дети еще и отца лишились, – убеждала меня подруга. – Вдруг его посадят? А еще я хочу, чтобы они получили страховку, не оказались вновь обманутыми приткой компанией. Деньги им пригодятся, Роману одному будет очень тяжело.

– Так бы и говорила. А то правду она знать хочет...

– Таня, я просто уверена, что правда как раз и нужна. Для того, чтобы в семье Калякиных не произошло новой трагедии. То есть чтобы на Романа не повесили всех собак.

– Ты, случайно, не собралась за вдовца замуж? – улыбнулась я.

А что? Ленка человек влюбчивый. Всяко случается. Может, она для себя старается? Вау, какие жуткие глупости! Как только такие ужасные вещи могли прийти мне в голову? Сейчас подружка обидится.

Ленка, снова будто прочитав мои мысли, и в самом деле обиделась:

– Никогда бы не подумала, что ты такого мнения обо мне. Считаю, что нашего разговора не было.

Она бесцеремонно столкнула Маруську с коленей – небывалый случай! – и, включив воду, принялась перемывать совершенно чистые тарелки, давая мне понять, что я свободна. И что она не желает меня больше видеть. Никогда. Ни сегодня, ни завтра, ни через год. Надо извиняться.

– Лен, прости, пожалуйста, меня, дуру проклятую. С языком сегодня непорядок, он отказывается мне подчиняться. Честное слово. Вот прямо сейчас его при тебе отрежу. – И я взяла со стола нож, как будто и впрямь собралась отхватить себе язык.

Ленка прыснула. Мир был восстановлен. Она вытерла руки полотенцем и снова села напротив меня.

– Так ты поможешь?

– Куда ж от тебя деться? – вздохнула я. – Где и при каких обстоятельствах Калякина встретишься с той женщиной, которая подозревается в убийстве?

Этого Лена точно не знала.

Вопрос об оплате я задавать не стала. И так ясно. Если все разрешится наилучшим образом, то, может быть, Роман мне и заплатит. А если не образуется, то мои труды сочтутся за

дружескую услугу. Не очень-то веселенькая перспектива. Но делать нечего. Другьям я отказывать не умею. Тем более Ленке.

Хотя... Я знаю, кто заплатит мне за работу. Вот именно! Не зря же кости вешали, что для получения дивидендов надо только определиться, с кем выпить. Так мы и поступим в недалеком будущем.

– Лен, ты мне кое в чем поможешь. Хорошо?

– Хорошо. Я на все согласна, – она даже спрашивать не стала, в чем будет заключаться ее помощь. – Только сначала поехали к Калякиным. Тебе надо самой поговорить с Романом Николаевичем.

Глава 2

Я сунула в рот таблетку «антиполицая» и завела движок. Не тащиться же в самом деле городским транспортом аж в Заводской район. У меня аллергия на муниципальный транспорт.

Дом, в котором проживали Калякины, был построен в шестьдесят третьем году, о чем сообщали цифры на торце, выложенные красным кирпичом. Калякины жили во втором подъезде.

– Стой, Лен. Давай вокруг обойдем. Осмотрюсь на местности. Ты мне окно их покажешь и тот балкон, на котором вы сидели. Для начала осмотрим место происшествия.

Напротив Настиной пятиэтажки стоял девятиэтажный кирпичный «человечник». Вот из него, с верхних этажей, уж точно все должно быть видно как на ладони. Неплохо бы найти свидетеля именно из девятиэтажки. Трагедия произошла в шестом часу вечера, многие жители, вероятно, уже были дома. Только ведь у каждого столько хлопот после трудового дня, что отыскать человека, который просто так, от нечего делать, смотрел в то время в окно, практически невозможно. Разве что старушка какая-нибудь, пенсионерка, которой делать нечего. Но у свидетелей этой категории есть один общий, весьма существенный недостаток: они, как правило, неважно видят. Тем не менее надежду я не оставила. Была еще другая надежда, и тоже на пенсионеров. Обычно в пятиэтажных хрущевках проживает много престарелых людей, которые проводят большую часть времени на лавочке у подъезда и неплохо осведомлены о событиях, происходящих в округе. Постелив на скамейки картонки или плетеные ручную коврики, они заседают в любую погоду. Даже в такую, как сегодня.

Но у дома Калякиных с лавочками было туговато – только у первого подъезда. И то такая развалюха, что явно последние дни доживает, как мне показалось. А квартира Калякиных во втором. Жаль.

Мы поднялись на четвертый этаж, и подружка нажала кнопку звонка. Раздалась мелодичная трель, затем звук быстро шлепающих ног. Дверь открыла босая светловолосая девчушка с огромными, как блюдца, глазами. Для своих десяти лет она мне показалась слишком уж миниатюрной – прямо Дюймовочка. На ней были бриджики чуть ниже колен и длинная, вязанная ручную шерстяная кофта.

– Здравствуйте, Елена Михайловна. А папы нет. И Дениски тоже. Он гуляет с мальчишками, – голосок девчушки звенел, как колокольчик.

– Здравствуй, Катенька, – ласково обратилась Елена к малышке. – А ты чего это босиком бегаешь? Простудишься. Ну-ка, быстро надень тапочки.

– Не могу. У меня нога болит. Я на нее чай горячий пролила. И тетя Наташа мне ее винилином помазала.

Из кухни вышла женщина лет тридцати с короткой стрижкой и химической завивкой. Это и была Наталья, Ленкина приятельница – Ленка же была знакома с соседкой Калякиных, – помогавшая Роману Николаевичу управляться по дому после гибели его жены. Истомина представила нас друг другу, и Наталья немного устало, но радушно улыбнулась.

– Привет, Лен. Проходите. Мы как раз чай с Катюней собрались пить. Да вот ногу сбедили. Все одно к одному. Проходите, что же вы...

Ленка вопросительно посмотрела на меня. Я пожала плечами и стала разуваться.

Мы расселись вокруг кухонного стола за чайными чашками.

Дневник Катенька принесла по Ленкиной просьбе, и я сравнила подписи – на мой взгляд, они были идентичны. Расписывалась Калякина довольно витиевато, подделать такой росчерк сложно. Пока я должна довольствоваться своими личными впечатлениями, о графологической экспертизе на данном этапе не может быть и речи, поскольку расследование я согласилась проводить тайно, не привлекая ничьего внимания.

Потом мы отправили Катеньку в комнату, и она занялась игрушками. А мы втроем начали бабий треп на разные темы, незаметно подойдя к интересующей.

* * *

– Настя мне рассказывала про встречу с этой Эммой, в которой убийцу признала. Но ведь прошло три года, и она не была уверена на сто процентов, что Замотырина и есть та самая женщина, – сказала Наталья. – Когда Настя спросила у меня совета, как ей лучше поступить, я ничего не могла посоветовать. Но подумала – кто будет разбираться в истории трехлетней давности, у милиции и других дел хватает. Если бы я знала, что все вот так закончится... Да что сейчас об этом говорить? Теперь уже ничего не исправишь. – Женщина задумчиво размазывала пальцем чайную лужицу по столу. – Вон с Катькой воюем. У меня выходной сегодня. Завтра тетя Вера с третьего этажа с ребятами заниматься будет, потом Ида, подруга Настина, должна из поездки вернуться. У нее свободного времени больше, она обещала Роману помогать. Пока справляемся. А что дальше будет, сам господь не знает.

Наталья незаметно перешла к бытовым проблемам, но я настойчиво вернула ее к событиям прошлого.

– А где Настя встретила Эмму?

– В доме, где та жила. Что-то там с больным было связано. Не помню точно. Полгода же прошло.

– А поточнее вы вспомнить не можете?

– В апреле, кажется. Разве это имеет какое-то значение?

«Еще как имеет! – подумала тут я. – Особенно если учесть тот факт, что страховой договор был заключен в начале мая. То есть почти сразу после встречи с предполагаемой опознанной убийцей».

– И что, Настя больше не вспоминала про ту женщину?

Наталья пожала плечами:

– Как вам сказать, Татьяна Александровна. Вспоминала иногда. Но я бы не сказала, что она боялась ее или еще что. Просто говорила, что подруги советуют ей все же обратиться в милицию.

– Какие подруги?

Наталья снова пожала плечами:

– Ирина Петровна советовала. Она работала вместе с Настей. – Женщина задумалась, вспоминая. – Настя к ее мнению прислушивалась. Тамара тоже советовала. И Ида.

– И тогда Анастасия Васильевна решила пойти в милицию?

– Ну да. Там обещали разобраться, как она рассказала. Но я не думаю, что милиция вообще занималась этим делом. Зато потом, после Настиной смерти, все забегали. Только поздно слишком.

– Женщины, которых вы назвали, были близкими подругами Калякиной? – уточнила я.

– Пожалуй, да. С Тамарой она дружила все время, какое и я с ней знакома. С Ириной познакомилась два года назад, когда устроилась работать в психбольницу. А Иду Антонову Настя знала со школы. Некоторое время они не общались, а потом возобновили отношения. Сейчас Ида здорово Роману помогает. Ей же все-таки проще – сама себе хозяйка, ездит за товаром в Польшу, потом продавцы, которых она нанимает, реализуют товар.

– Понятно.

– А вы почему про все про это спрашиваете? – под конец разговора не выдержала и задала вопрос Наталья.

Пришлось отвечать. В том смысле, что хочу отыскать виновных в гибели Насти и наказать, раз этого до сих пор не сделали правоохранительные органы. Должен же кто-то за правду

бороться. Собственно, так оно и было на самом деле. Женщину мой ответ вполне удовлетворил. А пояснять некоторые мелкие нюансы, вроде того, например, что расследованием занялась не просто знакомая Насти, а Татьяна Иванова, довольно известный в нашем Тарасове частный детектив, мы с подружкой не стали.

* * *

– Тань, я знаю, где Роман работает. Давай поедem к нему? – предложила Елена.

Вот в этом вопросе меня не надо было уговаривать. Уже всерьез хотелось взглянуть на этого человека, потому как, несмотря на весьма туманные перспективы в вопросе оплаты, дело меня все-таки заинтересовало. И потом: раз уж гонорар тут проблематичен, то чем быстрее отстреляюсь, тем быстрее смогу начать работать на себя, родную.

Чтобы повидать Романа Николаевича на его, так сказать, трудовом фронте, пришлось ехать на окраину Заводского района, поскольку работал он на железнодорожном участке составителем поездов. Мало приятного, конечно, таскаться по такому захолустью, но что делать, раз уж взялась за это расследование. Хорошо хоть дорогу сюда знаю прекрасно, приходилось здесь бывать, по долгу службы, естественно.

Проехав через железнодорожный переезд, я вырулила на бетонную площадку перед депо и остановилась. На участке было безлюдно – выходной все-таки. На местах были лишь те, кто работал по графику. Мы с подружкой обогнули здание депо, и я постучала в дверь конторы.

– Открыто!.. – раздался в ответ женский голос.

– Скажите, пожалуйста, где можно увидеть Калякина Романа Николаевича? – обратилась я к молодой брюнетке приятной внешности.

– Посмотрите в депо. Он, по-моему, там, в раздевалку загляните.

Но в раздевалке было безлюдно. Зато нельзя сказать, что тихо – мощный храп раздавался откуда-то из-за шкафов. А металлические ящики-шкафчики, наверное, отражали звуковые волны, отчего храп казался просто оглушительным. Мелькнула даже такая мысль: вдруг да стены рухнут... Ленка остановилась у порога, а я отправилась на поиски спящего. Тихо пошла между шкафами и... вздрогнула от неожиданности: на скамейке лежало нечто, похожее на тело в рабочей одежде, но... без головы. Руки сложены на груди, как у покойника. А на том месте, где должна была быть голова лежащего человека, содрогался в конвульсиях объемный полиэтиленовый пакет черного цвета. Он то зримо уменьшался в размерах, то, наоборот, раздувался от мощных потоков воздуха так, что, кажется, был готов разлететься на мелкие клочки. Храп раздавался именно оттуда, из-под пленки. А пакет, как ни странно, усиливал звуковой эффект. При виде этого зрелища я замерла на мгновение, настолько меня поразило сие явление, а потом не смогла сдержать эмоций.

– Вот это ничего себе, – невольно вырвалось у меня. Я даже покашляла для порядка, искренне полагая, что тот, в мешке спящий, услышит голос и проснется.

– Тань, а ведь это Роман Николаевич, – сказала Ленка, подошедшая ко мне незаметно. Тоже удивленная, она довольно робко окликнула храпуна: – Роман!

Но не тут-то было. Храп, как ни в чем не бывало, продолжался.

«Однако крепко спит несчастный вдовец, – мысленно съехидничала я. – А храпит так скорее всего оттого, что не все в порядке с нервной системой».

– Роман Николаевич, – я позвала его сначала потихоньку. Потом погромче, потом еще громче.

Богатырский сон Калякина мы с Ленкой смогли прервать только с четвертой попытки.

– А?! – Наконец услышав наш зов, он вскочил, поспешно сдернул мешок с головы и уставился на нас заспанными глазами. – Что? Вагон, что ли, двигать? Ой, Елена Михайловна,

здравствуйте. Что-нибудь случилось? – Вот тут, когда он сообразил, кто перед ним, глаза его стали испуганными.

– Да нет, ничего не случилось, не пугайтесь, – успокоила его Ленка. – Я хочу вас познакомить: Роман, это Татьяна Александровна Иванова.

– Можно просто Таня, – машинально уточнила я.

– Таня согласилась помочь, – продолжала Ленка. – Мы пришли поговорить.

В глазах Калякина отражалось непонимание. Похоже, что он вчера крепко перебрал и напрочь забыл о разговоре с Еленой. И она решила напомнить об этом.

– Я же вам вчера говорила про лучшего детектива Тарасова Таню Иванову. Помните?

– Да? – Калякин покрутил головой, стряхивая остатки сна. – О чем поговорить? – Он ословело уставился на меня, потом, заметив мою усмешку, глянул на пакет в руке и поспешно пояснил: – Мухи, проклятые, достали.

– Я догадалась, – понимающе кивнула я, не испытывая между тем никакой вины за собой, что невольно ввела Романа в смущение. Просто я не могла не улыбнуться, увидев его спящим с полиэтиленовым мешком на голове. – Нам с вами, наверное, стоит поговорить о ваших проблемах. Я хочу попытаться вам помочь.

Я села на скамейку напротив него, с любопытством изучая светловолосого мужчину ростом под два метра. Ленка уселась на стул около шкафа. На вид Роману Николаевичу было лет тридцать пять. Правда, рыжая щетина приблизительно трехдневной давности делала его несколько старше. Но у меня взгляд наметанный.

Лицо его после моих слов нахмурилось, брови сдвинулись, и на глаза навернулись непрошеные слезы.

– О Насте? – обреченно прошептал он.

– Да, о Насте.

В моей практике были случаи, когда, казалось, самые невинные, если судить по внешности и поведению, люди оказывались мерзавцами. Один гад убил свою жену, а потом сам же нанял частного детектива расследовать дело: так ему хотелось показать всем, насколько трепетно он ее любил. Но этот мешковатый, простоватый на вид мужчина, по-моему, не способен на такую подлость, как убийство своей жены с помощью сообщницы или наемного убийцы. Хотя насчет наемного убийцы – мысль интересная. Надо будет и эту версию отработать. Ведь необязательно, что заказчиком был именно Роман Николаевич.

– Вы действительно не знали о том, что ваша жена была застрахована в частной компании «АКСС» на солидную сумму?

Роман Николаевич, поджав губы, часто-часто закивал головой:

– Я чуть с ума не сошел, когда увидел эту самую страховку. Как же она могла... Даже со мной не посоветовалась. И не сказала, что ее жизни угрожает опасность. – В его глазах дрожали слезинки. Калякину, видимо, было неловко за такую слабость, и он изо всех сил старался их удержать.

– Она не говорила, что боится женщину по имени Эмма?

– Да нет, про Эмму она мне говорила, конечно. Но я не знал, что она боится ее так, что собралась застраховать свою жизнь. – Он яростно потер ладонями небритые щеки, шумно вздохнул и вновь повторил: – Ну почему она мне ничего про страховку не сказала?

– А как вы считаете, она вообще могла это сделать? Я имею в виду страхование жизни на столь крупную сумму. Слишком уж дорогое удовольствие.

Калякин замолчал надолго, и мне казалось, что я вижу, как ворочаются его нескорые мысли. Наконец в глазах промелькнула страшная догадка:

– Вы хотите сказать...

– Я пока ничего не могу сказать. Я только прошу вас хорошенько подумать, где она смогла взять столько денег?

Он с отчаянием покрутил головой и развел руками:

– Не зна-аю. Представления не имею. Кошмар какой-то. Знаете, когда у нас Ирочка займы денег просила, Настя всегда нервничала.

– Какая Ирочка?

– Моя младшая сестра, – пояснил Калякин. – Кроме меня, ей помочь некому.

Я подробно расспросила Романа Николаевича о жене, ее привычках, подругах и знакомых, о работе. Про Эмму Замотырину он знал лишь то, что она проживала в Заводском районе, в шестнадцатом квартале. Причем адрес ее именно Настя сказала. Случайно или преднамеренно? Это тоже предстояло выяснить. Темная история, однако.

Кстати, еще один нюанс: Калякин вслух этого не сказал, но мне почудилось, что Настя сестру его Ирочку недолюбливала. Ничего, про такие мелочи несложно узнать.

К сожалению, нам не дали поговорить обо всем, что я запланировала, – Калякина позвали двигать цементовоз.

А у меня осталась масса вопросов. Ну да ничего, не последний день живем.

– Вы завтра будете дома? – спросила я.

– Да, у меня выходной. Никуда не собираюсь идти.

– Тогда я к вам заеду. Вы не против?

Получив утвердительный ответ, я подумала про себя: ведь мое посещение в его интересах, а я почему-то с ним миндальничаю. Наверное, потому, что наняла меня, по сути дела, подруга Ленка. И не хотелось ее огорчать. Тем более в ее праздник.

Глава 3

– Куда теперь? – поинтересовалась подруга, когда мы сели в машину.

Я пожала плечами, докуривая сигарету. Спонсора, который оплатит мой труд, я придумала как заарканить. Но это будет только завтра. Сегодня же воскресенье, и все нормальные люди отдыхают.

Но я не совсем нормальная. Не в смысле психического здоровья, конечно, а из-за специфики моей работы. Не могу себе позволить время терять, оно стоит денег. И в данном случае всякое промедление откладывает на «потом» настоящую работу, за которую можно получить весьма приличную сумму. Все-таки, что ни говори, я капельку корыстная. Ну, самую малость. А значит, надо работать. Несмотря на то что сегодня выходной.

Очень бы мне хотелось обратиться к полковнику Григорьеву, знакомому в УВД Заводского района. Сразу полдела было бы сделано. Но пока нельзя обнаруживать себя. Неизвестно, как мой интерес к этой истории отразится на судьбе Романа Николаевича, не попадет ли он «под колпак», как предположила подруга Ленка. Значит, надо действовать самой. Ну, разве что в крайнем случае придется привлечь кого-нибудь из знакомых сотрудников милиции. А Истомину, пожалуй, лучше отправить сейчас домой, чтобы не тарахтела под руку.

– Лен, начинается рутина. Мне надо подумать, – заговорила я самым мягким, даже нежным голосом. – Завтра нам с тобой предстоит акция по экспроприации законного гонорара. Так что отоспись, напиши планы уроков...

Но Ленка все же обиделась. Ей ведь ужасно хотелось проследить весь процесс расследования, в котором она как-никак не последнюю роль играет. Обида так явно проступила на ее лице, что я рассмеялась:

– Ладно-ладно. Не дуйся. Поможешь мне. Мы сейчас снова поедem в дом Калякиных. Поищем очевидцев. Я – в Настином доме, а ты в доме напротив. Потом мы с тобой вместе подумаем, где Калякина могла раздобыть такую сумму. Это очень и очень важный момент. Если мы узнаем, где она взяла деньги, нам многое откроется. Кстати, а про Ирочку ты что-нибудь знаешь?

– Да так, в общих чертах, с Натальей случайно на эту тему однажды заговорили. Она сказала, что Анастасия Васильевна ей жаловалась на Ирочку. Мол, бессовестная, жутко избалованная и эгоистичная натура. Считает, что все обязаны ей помогать, и постоянно просит у Романа Николаевича денег.

– Значит, еще одна задача на сегодня – выпросить у Натальи все, что она знает про Ирочку.

Я затушила сигарету в пепельнице и запустила двигатель.

* * *

Заседание дворового парламента возле дома Калякиных происходило, как и следовало ожидать, на единственной пока еще как-то стоявшей лавочке. Я молча подошла и села на краешек сиденья. Старушки как раз вплотную подошли к самой больной теме сегодняшнего дня – очередному повышению цен. Я в разговор не вмешивалась. Нехорошо перебивать старших. Скромность украшает. Все равно надолго их не хватит, и любопытство победит. Расчет оказался верным – ждать мне почти не пришлось.

– А ты-то, доченька, к кому? – спросила одна старушенция. Как потом выяснилось, ее звали баба Вера.

– Да я тут Калякина поджидаю.

– О-от, – вмешалась другая, которую коллеги по парламенту величали Николавной, – добрым людям, – старушка сделала ударение именно на последнем слоге, – и посидеть негде. Никому ниче не надо. Я уж сколько заявлений в ЖКХ писала, чтобы лавочки сделали. Да то! Разбежались. Последняя-то скоро догнiet и рухнет.

– А ты Роману родственница, никак?

– Да нет. Мне по делу к нему надо. Я из школы. Из родительского комитета.

И тут я каждой клеточкой организма почувствовала, что старушкам страшно хочется узнать, по какому именно делу я жду Калякина. Но бабульки, они тоже стратеги те еще! Сразу перестали якобы обращать на меня внимание и переключились на обсуждение трагедии в семье Калякиных. Я плавно влилась в разговор, направляя его в нужное мне русло. И узнала чрезвычайно важные вещи.

Старушки наперебой стали рассказывать, как алкаши из калякинского подъезда спускались с пятого этажа. А женщина белобрысая с родинкой на щеке в блестящей кофточке и красной в мелкий белый горошек юбке метнулась вверх, едва не сбив их с ног.

– Да их и немудрено сбить. Они еле-еле на них держатся завсегда, – съязвила баба Шура.

– А зачем же ей вверх бежать, – невинно поинтересовалась я, – ведь люки на чердак закрыты?

О ключе, разумеется, можно было позаботиться заранее. И если женщина побежала наверх, значит, ключ у нее был. Она скорее всего переделась на чердаке и вышла из другого подъезда. Мне об этом догадаться отнюдь не трудно, поскольку я сама иногда чердаками пользуюсь. Не раз приходилось таким образом шкуру спасать.

– О-ой, да что там за замок. Его заранее открыть можно, – подтвердила мои предположения баба Вера и запальчиво высказала свои: – А может, врут все алкаши. Может, сами ей и помогали. Откуда у Любки опосля блестящая кофта появилась и юбка красная?

Интересно... Надо бы срочно с Любкой-алкашкой увидеться... Тут же выяснилось, что Любка со своим хахалем должна появиться с минуты на минуту.

– Я давеча мальчонку ейного видела, – сообщила Николавна. – Кукурузу домой понес. Так что она сейчас помчится ее продавать.

Я решила не подниматься к Любке-алкашке, а подождать здесь, на улице. Заодно выяснить, что знают вездесущие старушки про сестру Романа Николаевича.

О финансовых тонкостях отношений Насти и Ирочки бабульки не знали. Но подтвердили: золовки не шибко ладили. И еще я узнала, что Ирочка – яркая блондинка. А это уже кое-что. Разве не могла она, загримировавшись так, чтобы ее не узнали, пробраться в квартиру? Ведь известно, что дверь убийца открыла своим ключом.

Строя догадки, я ненадолго утратила связь с действительностью, но была возвращена к ней неожиданным образом. Из подъезда, где жили Калякины, вдруг вывалилась живописная парочка. Остановившись у подъезда, мужчина и женщина яростно жестикулировали и отвечивали друг другу «теплые» комплименты. Причем – на всю округу.

Она – дама неопределенного возраста, в серой шерстяной кофте, сильно выдавшей виды. Причем это еще слишком мягко сказано. Кофта была больше похожа на половую тряпку, которой мыли асфальт на этой самой Кавказской улице. Вместо семи положенных пуговиц имелось только три, да и те болтались на честном слове. По этой уважительной причине кофта была распахнута, и из-под нее выглядывала майка с серебристыми блестками, видимо, та самая, про которую только что вешали старушки. Блестки в некоторых местах облетели, оставив зеленоватые следы от клея. Уцелевшие чешуйки потускнели, стали серыми. Наверное, Любка как надела эту майку месяц назад, так и не снимала больше. Туалет довершали мятая драповая юбка и стоптанные тапки. Волосы женщины прутьями висели, выбиваясь из-под платка непонятного цвета. Под правым глазом на отечном, со следами беспробудного пьянства лице этой очаровашки красовался сине-желто-фиолетовый фингал.

Он – мужчина немного помоложе, чем его подружка, но также с явными следами деградации во всем внешнем облике. Старая фуфайка нараспашку, разорванная во многих местах, со свисавшими из дыр грязными клочьями ваты. Торчащие в разные стороны волосы с проседью с запутавшимися в них перьями, щепками и прочим мусором непонятного происхождения.

Оба были вдрызг пьяные. И оба имели претензии друг к другу. Посему безобразно ругались.

– Вот это и есть Любка со своим хахалем, – шепнула мне баба Вера. – Они убивцу-то видели.

Я поднялась и направила свои стопы к сим ярким личностям. Хочешь не хочешь, а попытаться поговорить надо. Хотя завалышенькие, а свидетели все же.

Мужчина держал в руках драную авоську, доверху наполненную кукурузой. Початки выглядывали из дыр, так и норовя вывалиться в какую-нибудь лужу. Дамочка пыталась конфисковать сумку, атакуя друга то с одной, то с другой стороны, при этом безостановочно вопя:

– Ты, скотина, дождесси... Убью!.. Вообще больше не приходи. А заявисси, так я тебя, козел пернатый, с лестницы спущу. Ты, што ль, кукурузу тырил? Это мой мальчишка за ней ездил. К черту на кулички ездил, между прочим. Воровал. Чуть не попался даже. А ты схватил. Дай сумку, сказала, пока я тебе харю не набила...

– Щас! Я вчера пузырь покупал? Покупал. Ты думаешь, мне их так дают? И позавчера покупал. И каждый день покупаю. А ты на халяву повадилась. Пошла вон, корова пьяная!

– Ой, вы только поглядите на него, – обратилась Любка ко мне, пьяно рассмеявшись и обнажив гнилые пеньки вместо зубов, – сам залил глаза, а на меня поклеп строит.

Мужик, воспользовавшись тем, что подруга отвлеклась на светскую беседу, быстро засеменил со двора. Любка сообразила, что если задержится еще хоть на минуту, то доли из будущего пузырька ей не видать как своих ушей, и тигрицей кинулась вслед за ним. А догнав, взяла под руку. Но мужик тут же остановился и попытался снова начать выяснение отношений.

Я подошла к ним.

– Граждане хорошие, я из милиции. – При этих словах я извлекла из сумочки свое старое удостоверение и махнула им в воздухе. – Вам придется пройти со мной.

Лица у обоих застыли. Ссора, только что готовая вспыхнуть с новой силой, разом потухла. Враждующая пара стала сразу единым фронтом.

– Мы ничего не нарушаем, – насупившись, произнес мужик.

А Любка аж слюной захлебнулась:

– Госпожа милиционерша, мы мирные люди! Ничего плохого не делаем!

– Во-первых, вы нарушили общественный порядок. Это раз. А во-вторых, вы обвиняетесь в пособничестве убийце Калякиной. Вот эта маечка у вас откуда, гражданочка? – Я брезгливо, двумя пальцами, оттянула ставшую от грязи липкой майку и тут же отпустила. На указательном пальце у меня осталась потускневшая чешуйка. – Сейчас идем к вам в квартиру. И я совершенно уверена в том, что я найду там красную в мелкий белый горошек юбку.

Конечно, я была уверена, что алкаши ни при чем. Но мне необходимо было в этом убедиться. А заодно проверить рассказанное бабульками.

Оба алкаша не на шутку перепугались.

– Говорил тебе, корова, не надо было это барахло брать. Его ж точно убийца выбросила. – Мужик не преминул упрекнуть лишний раз свою подружку, а потом повернул лицо ко мне, дыхнув стойким перегаром: – Я говорил ей, что с этими тряпками лучше не связываться и не брать их с помойки. Греха не оберешься. Да разве баба устоит перед барахлом дармовым? Так и знал, что милиция прицепится. Мы его, госпожа милиционерша, в мусорном контейнере нашли.

– Когда? Сразу после убийства?

– Ага, – радостно закивала Любка. Она почувствовала, что я склонна им поверить и одежду, бог даст, отбирать не стану. – Она пакет в мусорный бак запихнула. А мы там кое-что

просматривали... Вот и нашли. Вещи-то новенькие прямо. А убийцу-то эту, паскуду, мы в тот день видели, – подхалимским голоском, желая мне понравиться, пропела Любка. – Она как оглашенная вверх помчалась. А замок на люк она, видать, заранее свой повесила. Я обратила внимание, что замок новый совсем появился. Незадолго до того, как Калякину-то убили. Вот. Но мы и взаправду ни при чем. И милиции все честно рассказали. Только про юбку с кофтой умолчали. Но ведь, если бы сказали, так у меня бы их отобрали? А мне ведь носить нечего совсем. Дорого-то все как сейчас. Разве накупишься? – голос Любки стал жалостным.

– Любовь Николаевна, вы опять за свое? Вы же мне сколько раз обещали, что пить бросите? Нет, вероятно, я все-таки буду настаивать, чтобы вас лишили материнства, – вмешалась в разговор появившаяся совершенно внезапно Ленка. – Ваш Лешка вечно голодный ходит, а вы пьете. Как вам не стыдно? – укорила моя подруга алкоголичку. Ох, воспитательница, что с нее возьмешь.

– Так мы на свои кровные пьем, – насупился Любкин сотоварищ.

– Граждане собрались продать кукурузу, которую раздобыл Леша, и купить на вырученные деньги бутылку, – не удержалась и доложила обстановку я.

Ленка извлекла из сумочки деньги, показала алкашам:

– Кукурузу я у вас покупаю. А деньги отдам Наталье Васильковой. Она хоть Лешу накормит. Давайте сюда. – И подруга конфисковала авоську.

– Подержи, Тань. – Ленка достала из сумочки полиэтиленовый пакет, переложила кукурузу в него.

Физиономии у Любки и ее сожителя сквасились, но спорить с учительницей сына они не решились. Тем более что эта учительница с милицией знакома. Хорошо еще, что майку с юбкой не отобрали. И парочка решила побыстрее скрыться с наших глаз.

* * *

– И что ты с этой кукурузой делать собираешься? – усмехнулась я, когда мы направились в подъезд.

– Не знаю, – честно призналась Елена. И тут же предложила: – Давай Калякиным отнесем. Наталья сварит. Заодно и Лешка поест. Но послезавтра на педсовете я поставлю вопрос о лишении Стружкиной материнских прав. Она меня достала.

– Да, штучка уникальная. – Я решила поставить точку на обсуждении неправильного поведения госпожи Стружкиной и перевела разговор на интересующую меня тему: – Ну и как тебе роль сыщика, Елена Михайловна?

Ленкино настроение мгновенно переменялось в лучшую сторону, и она возбужденно затараторила:

– Тань, короче, я выполнила твое поручение и обошла все квартиры, расположенные напротив калякинских окон. Практически все, кто был в тот момент дома, говорят одно и то же. Блондинка в блестящей майке и красной юбке выбросила Настю из окна. Почти все, кто оказался свидетелем происшествия, обратили внимание на окна только тогда, когда Калякина закричала.

Я шумно вздохнула, ужасно разочарованная. Но моя славная подруга Ленка, несравненный мой Коломбо, подготовила мне сюрприз:

– Тань, ну, я же не сказала «все». Я сказала – «почти все». А это не одно и то же.

Я остановилась и взглянула на подругу. В ее глазах прыгали чертики. Она была жутко довольна собой, несмотря на то что пару минут назад убивалась по поводу ужасных родителей Лешки Стружкина.

– Там такой свидетель ценный есть! Умереть – не встать. Не сойти мне с этого места, если ты сейчас не подпрыгнешь до потолка.

Меня поведение подружки развеселило. Ленка так увлеклась детективным расследованием, что стала похожа на девчонку-сорванца.

– Уймись, Песталоцци. Педагогу не пристало так выражаться.

Ленка немного смутилась:

– Я же просто обрадовалась. Представляешь, звоню я в двадцать восьмую квартиру. Открывает брюнетка. Шикарная такая. Волосы роскошные. Прямо как киноактриса.

– Короче, Склифософский.

– Фу-у, Таня, какая ты зануда сегодня. Ты не даешь мне слова сказать, не позволяешь успехом насладиться. А если короче, то живет в этой квартире инвалид.

– Хм, то киноактриса с шикарными волосами, то инвалид.

– Дослушай сначала. Брюнетка – родственница инвалида. Она ему по хозяйству помогает. Я так поняла. А инвалид там постоянно живет. У него ног нет. Вот он сидит в инвалидном кресле и от нечего делать в окошко смотрит. Причем в бинокль. Как тебе это нравится?

– Ну?

– Что «ну»? Он видел, как злодейка перед убийством положила в кухне на подоконник магнитофон. Ма-аленький такой магнитофончик. А после убийства она его забрала. Не было никакой ссоры. Мистификация.

Так я, впрочем, и думала с самого начала. Не случайно женщина, которая решилась на столь дерзкое преступление, оделась так ярко. Для чего? Значит, хотела, чтобы ее запомнили. И знала, что в гардеробе Эммы такие вещи имеются. Так что скорее всего теперь бедную Эмму следует искать в бочке с цементом на дне Волги, к примеру. Или в каком другом, столь же мало-доступном месте. Такая перспектива мало радовала. Впрочем, пока это всего лишь домыслы. Я на несколько мгновений задумалась и не слышала, что еще продолжала говорить моя подруга.

– ...Вот он и сказал, что убийцу Ириной зовут.

Последняя фраза меня поразила:

– А он откуда знает? В бинокль увидел, как на лбу убийцы имя высветилось?

Ленка вытаращила глаза. Развив бурную детективную деятельность, она и не заметила, когда потрясающий свидетель переступил грань реальности.

Моя помощница была обескуражена и чувствовала себя посрамленной. Я усмехнулась.

– Ладно, Коломбо, разберемся. Придется еще раз сейчас к нему идти.

Ленка с явным сожалением покачала головой:

– Сегодня не получится. Сергей Павлович только позавчера из больницы выписался, у него инфаркт был. Как увидел происшествие напротив своих окон, так сразу сердце отказало. Он же такой больной, его жизнь на честном слове держится. И родственница Матвеева, Марина, которая ему по дому помогает, она, кстати, студентка мединститута, меня буквально выпроводила. Просила его не беспокоить больше, сказала, что сейчас сделает ему инъекцию, и он будет отдыхать.

Ничего, время терпит. Я подумаю об этом завтра.

* * *

Катенька ужасно обрадовалась, увидев целый пакет кукурузы:

– Ой, как здорово. Я ее так люблю, так люблю. А тетя Ира сказала, что когда мы разбогатеем, то она мне купит целый мешок кукурузы.

– Какая тетя Ира?

– Папина сестра. А я сказала, что мамка тогда ругаться будет. А тетя Ира сказала, что мамка не узнает. – Девочка весело болтала, забыв про обожженную ногу.

Я невольно взглянула на свою подругу, а она на меня. Ирочка мечтала разбогатеть и была уверена, что Настя об этом знать не будет. В каком случае Настя могла не узнать? Вот именно. Так мы с Ленкой в тот момент и подумали.

Кажется, у кого-то мысли сегодня сходятся. Бывает же!

* * *

– Ирина почему-то считает, что Роман обязан ей помогать. Ей вечно не везет с кавалерами, которые все почему-то норовят сесть ей на шею. То сирота, то безработный, обиженный и несчастный. А сироте, между прочим, под тридцать... Ромка безотказный, и Насте, разумеется, все это не нравилось. Еще бы: сами концы с концами еле-еле сводили. Двое детей все-таки, попробуй их прокорми в наше время. – Наталья поднялась и ткнула вилкой варившуюся кукурузу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.